

Γ. Ρ. ΧΑΓΓΑΡΔ



Генри Райдер Хаггард

Жена Аллана

Хаггард Г.

Жена Аллана / Г. Хаггард —

Содержание

Глава I. Ранние воспоминания	5
Глава II. Огненный поединок	6
Глава III. На север	11
Конец ознакомительного фрагмента.	16
	21

Генри Райдер Хаггард Жена Аллана

*Артуру Г. Д. Кокрейну, эксвайру
Дорогой Макумазан!*

Я дал ваше туземное прозвище моему Аллану, который стал мне теперь близким другом. Поэтому-то последние рассказы Аллана Куотермэна, повествующие о его жене и о приключениях, которые мне довелось пережить, я решил посвятить вам. Они напомнят вам многие истории, случившиеся в Африке. Та, например, что относится к бабуинам, произошла с вами, и як ней не причастен. Быть может, они напомнят вам и многое другое, воскресят в вашей душе померкшую романтику давно минувших дней. Страна, о которой рассказывает Аллан Куотермэн, теперь исследована и известна почти так же хорошо, как поля Норфолка. Там, где мы стреляли дичь, где бродили по дебрям и скакали во весь опор, теперь строятся города золотоискателей. Британский флаг на время перестал развеиваться над равнинами Трансваля; в велде перевелась дичь. Очарование туманного утра сменилось пальцим зноем дня. Все стало другим. Камедные деревья, которые мы посадили в саду «Палэшл», теперь, верно, разрослись, а сам «Палэшл» больше не существует.

Для нас с вами, как и для страны, которую мы любили, таинственность и надежды утра жизни ушли в прошлое. Солнце стоит в зените, путь порою становится утомительным. Немногие из тех, кого мы знали, уцелели, иные погибли в бою или стали жертвами убийц, и кости их белеют в велде. С другими смерть обоилась милостивее. Третьи исчезли неведомо куда. Страшно вернуться в эту страну, где на каждом шагу и меня и вас подстерегают призраки. И хотя сейчас наши дороги пролегли врозь, прошлое глядит на нас обоих неизменным взглядом. Мы оба можем припомнить сколько угодно мальчишеских затей и приключений, в которые бросались очертя голову, хотя сейчас они показались бы нам

просто безумными. Мы помним привычный ровный строй Преторийского конного отряда, лицо войны, ее победы и поражения, утомительное ночное патрулирование; и мы слышим еще гром орудий, доносимый эхом с Холма позора¹.

В память о богатых приключениями годах молодости, которые мы провели вместе в африканских городах и велде, я и посвящаю эти страницы вам, подписываясь ныне, коки прежде:

Ваш искренний друг Инданда

¹ Автор имеет в виду холм Мауба, где английские войска потерпели поражение в бою с восставшими бурами.

Глава I. Ранние воспоминания

Читатель, может быть, не забыл, что на последних страницах дневника, написанного перед самой смертью, Аллан Куотермэн² упоминает о своей давно умершей жене и говорит, что подробно рассказал о ней в другом месте.

Когда пришло известие о смерти Аллана, его бумаги передали мне как его литературному душеприказчику. Среди них я обнаружил две рукописи. Одну вы и прочтете сейчас. Вторая представляет собой изложение событий, к которым м-р Куотермэн не имел прямого отношения: это роман из жизни зулусов. Герой книги рассказывает Аллану о трагедии, происшедшей много лет назад. Впрочем, сейчас нам незачем об этом говорить.

Я часто думал о том (так начинается рукопись м-ра Куотермэна), что надо доверить бумаге все, что связано с моей женитьбой и смертью моей обожаемой жены. Много лет прошло с того времени, и годы, конечно, смягчили боль утраты, хотя, видит Бог, она постоянно дает о себе знать, словно старая рана. Неоднократно я брался за перо, чтобы описать, как это было. В первый раз я отказался от своего намерения, ибо горе было еще слишком свежо. Во второй – потому что мне пришлось срочно уехать. Ну, а в третий раз слуга-кафр не нашел ничего лучшего, как разжечь исписанными страницами кухонную плиту.

Теперь, когда я живу в Англии и времени у меня достаточно, я решил предпринять четвертую попытку. Если она удастся, рассказ мой, быть может, привлечет чье-нибудь внимание. Но это будет уже после моей смерти, потому что при жизни я не намерен его публиковать. Это достаточно странная история, способная навести на размышления.

Я сын миссионера. Раньше мой отец был священником в небольшом приходе Оксфордшира! Он отправился туда через несколько лет после женитьбы на моей дорогой матушке. У них было четверо детей, из которых я младший. Смутно вспоминаю наш старый серый дом у дороги, вытянутый в длину. В саду росло большое дерево. В его стволе было огромное дупло, и мы в нем играли, отламывая куски коры. Мы спали в комнате под самой крышей, и каждый вечер мама поднималась по лестнице, чтобы поцеловать нас на ночь. Помню, я часто просыпался и видел ее, склонившуюся со свечой в руке над моим изголовьем. Из стены над моей кроватью торчала какая-то полка, и однажды я страшно испугался, потому что старший брат подсадил меня и оставил висеть на ней на руках. Вот и все, что я помню о нашем доме. Его снесли много лет назад. Не то я бы съездил поглядеть на него.

Немного дальше, близ той же дороги, стоял большой дом с чугунными воротами. С их столбов взирали вниз два каменных льва; они были так безобразны, что наводили на меня страх. Быть может, чувство это было пророческим. Сквозь решетку ворот виднелся дом – мрачное строение, окруженное высокой тисовой изгородью. Летом на газоне вокруг солнечных часов пестрели цветы. Тут жил сквайр Керсон, здешний помещик, и потому дом называли усадьбой. Однажды на рождество – видимо, последнее, которое мой отец провел в Англии, иначе бы я его не запомнил, – мы, дети, отправились в усадьбу на праздник. Обстановка была торжественная, у дверей стояли лакеи в красных ливреях. В столовой, обшитой черным дубом, высилась рождественская елка. Перед нею стоял сам Керсон. Это был высокий брюнет со спокойными манерами, жилет его украшали брелоки. Нам он казался старым, на самом же деле ему было тогда не больше сорока. Как я потом узнал, в молодости он много путешествовал и лет шесть-семь назад женился на полуиспанке – папистке, как называл ее мой отец. Я хорошо помню эту очень красивую женщину, маленькую, довольно полную, с большими черными глазами и блестящими зубами. По-английски она говорила со странным акцентом. Я, вероятно,

² В переводе этой повести транскрипция некоторых имен, фамилий и понятий несколько отличается от общеупотребительной. – Примеч. ред.

показался ей смешным, потому что тогда, как, впрочем, и сейчас, мои вихры стояли на голове торчком. У меня сохранился карандашный набросок, сделанный с меня матерью. На нем эта особенность запечатлена весьма четко. Помню, что, когда мы пришли в усадьбу на елку, миссис Керсон повернулась к стоявшему рядом высокому мужчине, похожему на иностранца, и нежно коснувшись его плеча золотым лорнетом, сказала:

– Посмотрите, кузен, на этого смешного мальчугана с большими карими глазами; его волосы похожи на... как это называется... жесткую щетку. О, какой забавный малыш!

Высокий мужчина потрогал свои усы и, взяв руку миссис Керсон в свою, стал приглаживать ею мои волосы, пока она не прошептала:

– Оставьте мою руку, кузен. Томас стал похож на... на грозу. Томасом звали м-ра Керсона, ее мужа.

Я поспешил спрятаться за стулом, потому что был ужасно застенчив, и следил оттуда, как Стелла Керсон, единственная дочь помещика, раздавала детям подарки с елки. Она была одета Дедом Морозом, ее шейку укутывал воротник из какой-то мягкой ткани. На хорошеньком личике сияли большие черные глаза, которые показались мне прекрасными. Наконец пришел мой черед получать подарок. Это была большая игрушечная обезьяна. Если взглянуть далеко вперед, на события грядущих лет, подарок оказался знаменательным. Стелла сняла обезьяну с нижней ветки елки и подала мне со словами:

– Это мой рождественский подарок тебе, маленький Аллан Куотермэн.

В этот момент рукав ее ватной шубки, покрытой блестками, коснулся свечи и загорелся. Пламя метнулось по рукаву вверх к горлу. Девочка словно застыла, очевидно, парализованная страхом. Женщины вокруг принялись вопить, но ни одна не сдвинулась с места. Тут меня будто что-то толкнуло. Я был еще совсем ребенок и действовал, повинуюсь какому-то инстинкту. Я кинулся к девочке и стал руками сбивать пламя. Мне удалось потушить огонь, прежде чем он набрал силу. Кисти мои покрылись пузырями, и я долго ходил с забинтованными руками, но маленькая Стелла Керсон почти не пострадала, если не считать небольшого ожога на шее.

Вот все, что я помню о рождественской елке в усадьбе. Не знаю, чем кончился праздник, но я и поныне иногда вижу во сне прелестное личико маленькой девочки и выражение ужаса в черных глазах в тот миг, когда пламя устремилось вверх по ее руке. Это, впрочем, и не удивительно, ибо я, можно сказать, спас жизнь той, которой суждено было стать моей женой.

Следующее событие, которое я хорошо запомнил, – это тяжелая болезнь моей матери и трех братьев. Потом я узнал, что они отравились водой из нашего колодца, куда какой-то негодяй бросил дохлую овцу.

Вероятно, именно тогда к нам в пасторский домик пришел помещик Керсон. Погода стояла еще холодная, в кабинете отца горел камин. Я сидел перед огнем и писал карандашом буквы на листке бумаги, а отец вышагивал по комнате и говорил сам с собой. Впоследствии я понял, что он молился о сохранении жизни жены и детей. Тут в дверях показалась служанка и доложила, что его спрашивают.

– Это сквайр, сэр, – сказала горничная. – Он говорит, что ему очень нужно повидать вас.

– Хорошо, – ответил отец усталым голосом.

Через минуту в кабинет вошел Керсон. Лицо его было бледным и взволнованным, а глаза смотрели так свирепо, что я испугался.

– Простите, что я тревожу вас в такое время, Куотермэн, – сказал он хрипло, – но завтра я навсегда уезжаю отсюда, и мне нужно, даже необходимо поговорить с вами до отъезда.

– Вы хотите, чтобы Аллан оставил нас вдвоем? – спросил отец, кивнув на меня.

– Пускай остается. Он не поймет.

В то время я действительно ничего не понял, но запомнил каждое слово и через несколько лет постиг смысл разговора.

– Прежде всего скажите мне, как здоровье ваших, – начал гость, подняв к потолку палец.

– Жена и двое мальчиков безнадежны, – со стоном ответил отец. – Не знаю, что ждет третьего. Да будет воля Божья!

– Да будет воля Божья! – торжественно повторил помещик. – А теперь послушайте, Куотермэн. От меня ушла жена.

– Ушла? – переспросил отец. – Но с кем?

– С этим ее иностранным кузенком. Из письма, которое она оставила, ясно, что она всегда любила его. За меня она вышла замуж потому, что считала богатым английским милордом. Теперь она растратила мое состояние, во всяком случае – большую его часть, и ушла. Не знаю куда. К счастью, она не пожелала обременять свою жизнь ребенком. Стеллу она оставила мне.

– Вот к чему приводит женитьба на папистке, Керсон, – сказал мой отец. Это было, конечно, бестактно. Мир не видел более доброго и отзывчивого человека, чем отец, но ему была свойственна известная ограниченность. – Что вы намерены делать – следовать за ней?

Керсон горько рассмеялся в ответ.

– Следовать за ней! – сказал он. – А зачем? Если бы я настиг ее, я мог бы убить его, или ее, или их обоих, ибо они навлекли позор на голову моего ребенка. Нет, я больше не хочу ее видеть. Я верил ей, говорю вам, а она меня обманула. Пусть идет навстречу своей собственной судьбе. Но я тоже уйду. Мне надоела жизнь.

– Что вы, Керсон, – сказал мой отец, – не хотите же вы сказать...

– Нет, нет, не то. Смерть и так приходит слишком рано. Но я покину этот лживый цивилизованный мир. Я отправлюсь с моим ребенком в дикие дебри, где мы скроем свой позор. Куда? Я еще не знаю. Куда угодно, лишь бы не видеть белых лиц, не слышать гладких фраз людей, которые считают себя образованными.

– Вы сошли с ума, Керсон! – возразил мой отец. – Как вы будете жить? Где станете учить Стеллу? Держитесь в горе настоящим мужчиной.

– Я и буду мужчиной и переживу горе, но не здесь, Куотермэн. Учить дочь! А разве женщина, которая называлась моей женой, не получила прекрасного образования, не считалась самой умной в нашем графстве? Слишком умной для меня, Куотермэн, даже чересчур умной. Нет, нет, Стелла будет учиться в иной школе. Если это будет возможно, она забудет даже свое имя. Прощайте, старый друг, прощайте навсегда. Не пытайтесь разыскивать меня, с этого дня я все равно что умер для вас и для всех, кого я знал.

– Безумец, – сказал ему вслед отец, тяжело вздохнув. – Беда лишила его рассудка. Но он еще передумает.

В этот момент поспешно вошла сиделка и что-то прошептала отцу на ухо. Лицо отца покрылось мертвенной бледностью. Он схватился за стол, чтобы удержаться на ногах, затем, шатаясь, вышел из комнаты. Моя мать умирала.

Через два или три дня, не помню точно, отец взял меня за руку и повел наверх в большую комнату, которая раньше была спальней матери. Она лежала в гробу, с цветами в руках. Вдоль стены комнаты были поставлены три белые кровати, и на них лежали мои братья. Все они казались спящими, и у всех в руках были цветы. Отец велел мне поцеловать их, сказав, что больше я их никогда не увижу. Я повиновался, но испытывал ужас, сам не зная почему. Потом отец обнял меня и поцеловал.

– Господь дал и Господь взял, – сказал он, – да будет благословенно имя Его.

Я горько зарыдал, и он повел меня вниз. О том, что было потом, у меня остались лишь смутные воспоминания: люди, одетые в черное, несли тяжелые ноши к серому кладбищу.

Затем передо мной встают видения большого судна и безбрежных, беспокойных вод. После потери, постигшей отца, он не мог больше оставаться в Англии и решил уехать в Южную Африку. В то время мы были бедны, – должно быть, после смерти матери отец лишился боль-

шей части нашего дохода³. Во всяком случае, мы ехали палубными пассажирами, и в моей памяти запечатлелись лишения, которые мы испытали в пути, и грубость ехавших с нами эмигрантов. Наконец плавание окончилось и мы достигли берегов Африки, в которой мне было суждено провести много-много лет.

Успехи цивилизации в Южной Африке были еще невелики. Отец отправился в глубь страны и стал миссионером. Мы поселились поблизости от того места, где сейчас стоит город Крадок. Там я и вырос. По соседству жило несколько бурских семейств, а со временем вокруг нашей миссии вырос небольшой поселок белых. Пожалуй, наиболее интересным его жителем был вечно пьяный шотландец – кузнец и колесный мастер. В трезвом виде он мог без конца читать наизусть стихи шотландского поэта Бернса и декламировать страницу за страницей только что опубликованные «Легенды Инголдсби»⁴. Он пристрастил меня к этому забавному произведению, любовь к которому я сохранил навсегда. Берне мне никогда так не нравился, вероятно, потому, что мне не по душе шотландский диалект.

Свой небольшой запас знаний я получил от отца. Особой склонности к чтению я не испытывал, да и у отца не было времени учить меня по книгам. Зато я внимательно наблюдал обычаи людей и природу. К двадцати годам я свободно говорил по-голландски и на трех-четырех кафрских диалектах. Вряд ли кто-нибудь в Южной Африке лучше меня разбирался в мыслях и поступках туземцев. Кроме того, я отлично стрелял и ездил верхом. Наверное, – и жизнь это потом доказала – я был очень крепкий парень, крепче большинства людей. Хотя я был невелик ростом и мало весил, ничто, казалось, не могло меня утомить. Я легко переносил любые тяготы и лишения и был куда выносливее любого туземца. Разумеется, теперь все изменилось, я говорю о своей молодости.

Вы можете удивиться, как это я не одичал окончательно в подобных условиях. Меня спасло общество отца. Он был одним из самых милых и утонченных людей, каких мне доводилось встречать. Себя он считал неудачником. Побольше бы таких неудачников! Каждый вечер после рабочего дня он брал молитвенник и, сидя на небольшой веранде нашего дома, читал вечерние псалмы. Иногда он читал и в сумерках, ему это не мешало, ибо он знал псалмы наизусть. Потом он откладывал молитвенник и устремлял взгляд вдаль – туда, где за обработанными полями стояли хижины обращенных в христианство кафров.

Но я знал, что он видит не эти хижины, а серую церковь в Англии и могилы под тисом, что рос у входа на кладбище.

На этой веранде отец и умер. Однажды вечером ему нездоровилось, но мы сидели и разговаривали. Все мысли его были обращены к Оксфордширу и моей матери. Он вспоминал ее, говорил, что за все эти годы не было дня, когда бы он не думал о ней, что он счастлив, чувствуя, что скоро будет в той обители, куда она ушла. Потом он вдруг спросил, помню ли я тот вечер, когда сквайр Керсон пришел к нам и рассказал, что его покинула жена и что сам он решил переменить имя и скрыться в какой-нибудь далекой стране.

Я ответил, что отлично помню.

– Интересно, куда он направился, – сказал отец, – и живы ли они оба – он и его дочь Стелла. Да, да! Я-то уж никогда их не встречу. Но жизнь – странная штука, Аллан, и ты, может быть, свидишься с ними. Если так, передай им мой самый теплый привет.

Потом я оставил его одного. В последнее время нам наносили большой ущерб воры, кравшие по ночам овец. В эту ночь я решил стеречь крааль⁵, чтобы изловить воров. И я раньше неоднократно это делал – впрочем, совершенно безуспешно. Именно из-за моей привычки к ночным бдениям туземцы прозвали меня Макумазан. Итак, я прихватил винтовку и собрался

³ В силу особенностей английского права Куотермэн не унаследовал состояния жены.

⁴ Произведение английского поэта Р.Г. Барема (1788 – 1845), писавшего под псевдонимом Томас Инголдсби.

⁵ Крааль – здесь: загон для скота (зулу).

идти. Но отец подозвал меня и поцеловал в лоб со словами: «Благослови тебя Бог, Аллан! Будешь иногда вспоминать своего старого отца?! Надеюсь, ты проживешь хорошую и счастливую жизнь».

Меня немного встревожило его поведение, но я объяснил его подавленным настроением, в которое отец с годами впадал все чаще. Я спустился к краалю и бодрствовал всю ночь. До рассвета оставался всего час, а воры так и не появились. Я решил вернуться. Еще издали я с удивлением увидел, что в кресле отца на веранде кто-то сидит. Сначала я подумал, что туда забрался пьяный кафр, но потом разглядел, что это спит мой отец.

И он действительно заснул – навеки. Я нашел его мертвым!

Глава II. Огненный поединок

Похоронив отца, я дождался, пока прибыл его преемник, поскольку пост принадлежал Обществу⁶, и решил наконец осуществить давно задуманный план. До сих пор я не мог его выполнить из-за того, что не хотел расставаться с отцом. Коротко говоря, план состоял в том, чтобы организовать торговую и одновременно исследовательскую экспедицию в области, где ныне находятся Свободное государство⁷ и Трансвааль, и проникнуть как можно дальше на север. Довольно рискованное предприятие: хотя бурские переселенцы тогда уже начали оседать на этих землях, огромные территории оставались практически совершенно неизученными. Но я был теперь одинок, никого не интересовало, что станет со мной. Я решился на это путешествие, движимый неодолимой страстью к приключениям, от которой не избавился и теперь, в старости, и которая, вероятно, станет причиной моей смерти.

Собираясь в путь, я распродал все имущество, все пожитки, какие у нас были, и оставил себе только два лучших фургона с лучшими упряжками волов. На вырученные деньги я купил самые ходкие товары, оружие и боеприпасы. Мое вооружение вызвало бы веселый смех у любого современного путешественника, но я неплохо с ним поохотился. Начну с гладкоствольной капсюльной одностволки «рура». Она заряжалась щепоткой черного пороха грубого помола и выпаливала пулей весом в целых три унции. Из этого «рура» я убил много слонов, хотя отдача буквально отшвыривала меня назад, так что я пользовался им только в крайнем случае. Лучшим в моей коллекции оружия было, вероятно, двуствольное охотничье ружье двенадцатого калибра, к сожалению кремневое. Кроме того, я взял с собой несколько старых мушкетеров с сошками, из которых с равными шансами можно было попасть или не попасть в цель с расстояния семидесяти ярдов. Я купил трех хороших лошадей, которые считались «просоленными», то есть невосприимчивыми к болезням.

Меня сопровождали шестеро кафров. Среди них выделялся старик по имени Индаба-Зимби, что в переводе означает Железный Язык. Думаю, что он получил свое прозвище за резкий голос и неистощимое красноречие. В некотором смысле это был человек весьма значительный, в свое время пользовавшийся известностью как колдун соседнего племени. Пожалуй, стоит рассказать, при каких обстоятельствах Индаба-Зимби явился в миссию, тем более что он играет значительную роль в моем рассказе.

Как-то года за два до смерти отца я бродил по окрестностям, разыскивая двух пропавших волов. После долгих и безрезультатных поисков мне пришлось в голову отправиться к вождю кафров (не помню уж, как его звали), у которого было много волов. Его крааль находился примерно в пятидесяти милях от нашей миссии. Там я вскоре обнаружил свою пропажу. Вождь гостеприимно встретил меня, и на следующее утро, перед уходом, я пошел к нему, чтобы выразить на прощание свое почтение. К моему удивлению, он был окружен несколькими сотнями мужчин и женщин. Все они тревожно вглядывались в небо, где стучались зловещие грозовые тучи.

– Подожди, белый человек, – сказал вождь, – погляди, как колдуны, вызывающие дождь, станут бороться с молнией.

В ответ на мои расспросы он рассказал, что положение главного кудесника уже несколько лет занимал человек по имени Индаба-Зимби, не принадлежавший к этому племени. Он родился в стране, называемой ныне Зулулендом. Однако в последнее время у него появился соперник в оккультных науках. Это был один из сыновей вождя, лет под тридцать. Индаба-Зимби возмутился, и между двумя колдунами возникла вражда. В результате один из них

⁶ Имеется в виду миссионерское общество.

⁷ Имеется в виду Оранжевое Свободное государство. Провозглашение этой республики состоялось в 1854 г.

предложил сопернику пройти испытание молнией, и тот принял вызов. Условия испытания были такие: дождавшись очень сильной грозы, – обычная не годилась, – колдуны, вооруженные асегаями, становились в пятидесяти шагах друг от друга в том месте, куда часто ударяет молния. Тут они и должны показать свои сверхъестественные способности, чтобы заклинаниями отвлечь смерть от себя и направить молнию на соперника. Условия своеобразной дуэли были согласованы еще месяц назад, но за это время не случилось ни одной достаточно сильной грозы. Теперь же местные знатоки погоды считали, что приближающаяся гроза будет в самый раз.

Я спросил, что произойдет, если молния не поразит ни одного колдуна. Мне ответили, что в таком случае придется дожидаться следующей грозы. Если же колдуны избегают молнии и во второй раз, значит, они одинаково могущественны и в важных случаях племя будет советоваться с обоими.

Я решил отложить уход и посмотреть небывалое зрелище. К полудню я начал сожалеть, что остался: хотя на западе небо все темнело и темнело, а неподвижный воздух был, казалось, насыщен грозой, буря все не разыгрывалась. Однако часам к четырем стало ясно, что теперь ждать недолго – до заката солнца, как сказал старый вождь. Вместе со всеми я направился к месту поединка. Крааль стоял на вершине холма, полого спускавшегося к реке, протекавшей в полумиле. На берегу и находился участок, который, как утверждали туземцы, «любила молния». Кудесники заняли там свои места, зрители же расселись на склоне холма, ярдах в двухстах от них. Как мне показалось, слишком близко: если молния упала бы, амфитеатр мог оказаться малоприятным местечком. Через некоторое время меня одолело любопытство, и я спросил вождя, нельзя ли мне осмотреть арену боя. Он сказал, что я могу это сделать, но только на свой риск. Я заверил его, что небесный огонь не поражает белых людей, спустился к кудесникам и увидел, что под ногами у них на поверхность земли выходят залежи железной руды, кое-где поросшие травой. Потому-то, конечно, земля здесь как бы притягивала молнии. Противники стояли спиной друг к другу на противоположных концах месторождения руды: Индаба-Зимби – лицом к востоку, второй – к западу. Перед каждым горел костерчик, сложенный из веток пахучего кустарника. Они разделились, как подобало представителям их профессии: на них были змеиные кожи, рыбы пузыри и Бог знает что еще. На шеях красовались ожерелья из зубов бабуина и косточек кисти руки человека. Сначала я отправился на западный конец, где стоял сын вождя. Он протянул асегай к приближающейся грозовой туче, взволнованно заклиная ее:

Ударь, молния, уничтожь Индаба-Зимби!

Слушай меня, Демон бури, слизни Индаба-Зимби своим красным языком!

Плюнь на него дождем своим!

Преврати его в ничто, сделай жижей мозг костей его!

Сотри его дыханием своим!

Проткни его сердце и выжги там ложь!

Покажи всем, кто истинный ловец колдунов⁸!

Не опозорь меня на глазах у белого человека!

Так этот красивый мужчина приговаривал или, вернее, пел, все время натирая свою широкую грудь какой-то грязной смесью из разных снадобий, или *моути*.

Скоро пение колдуна наскучило мне, и я направился по железняку к Индаба-Зимби, сидевшему у своего костерчика. Он не пел, но действия его были куда более впечатляющими. Индаба-Зимби пристально глядел на восточную половину неба, совершенно еще свободную от туч, время от времени указывал туда пальцем, а затем поворачивался и направлял свой асегай в сторону соперника. Я долго его разглядывал. Это был странный, как будто высохший

⁸ Среди зулусских знахарей были специалисты по выявлению тайных колдунов.

человек, на вид лет пятидесяти с небольшим. Тонкие руки его казались крепкими, как железный трос. Нос у него был гораздо тоньше, чем у большинства людей его расы. Странная привычка почти при каждом слове по-птичьи наклонять голову набок и насмешливое выражение глаз придавали ему довольно комичный вид. Другой его особенностью была совершенно белая прядь, резко выделявшаяся в шапке черных волос. Я заговорил с ним.

– Друг мой, Индаба-Зимби, – сказал я, – может, ты и хороший знахарь, но, несомненно, глупец. Какой смысл тыкать пальцем в голубое небо, когда твой противник опередил тебя и к нему приближается гроза.

– Может, ты и умен, но не думай, что знаешь все, белый человек! – ответил старик дребезжащим голосом и зловеще ослабил.

– Тебя, я слышал, называют Железным Языком, – продолжал я. – Пусти его в ход, не то Демон бури тебя не услышит.

– Небесный огонь спускается по железу, – ответил он, – поэтому я придерживаю язык. Пускай проклинает, скоро я с ним покончу. А теперь гляди, белый человек!

На восточной половине неба появилась туча. Небольшая, очень черная, она росла с необычайной быстротой.

Я наблюдал такие явления и раньше, а потому не очень удивился. В Африке нередко две грозовые тучи идут с разных сторон навстречу друг другу.

– Лучше уходи, Индаба-Зимби, – сказал я, указывая на запад. – Скоро придет большая гроза и живо пожрет твоего младенца.

– Из младенцев иногда вырастают великаны, белый человек, – ответил Индаба-Зимби и погрозил пальцем. – Взгляни-ка теперь на мою тучу-младенца.

Я взглянул. Грозовая туча на востоке протянулась от земли до зенита и походила на огромного мужчину. Вот голова, плечи, ноги... Она напоминала гиганта, шествующего по небосводу. Из-под нижнего края западной грозовой тучи выбивались лучи заходящего солнца и заливали ярким светом часть неба, остававшуюся свободной. Освещая тучу-великана, они окрашивали ее среднюю часть в цвета и оттенки, не поддающиеся описанию. Но ноги и голова великана оставались смоляно-черными. Вдруг в передней части тучи произошел как бы взрыв, ослепительная вспышка света увенчала голову гиганта короной из живого огня и исчезла.

– Ага, – захихикал Индаба-Зимби, – мой мальчуган надевает головное кольцо мужчины, – и он постучал пальцем по кольцу из латекса на своей голове; туземцы получают право носить такие кольца, лишь достигнув определенного возраста и положения. – Ну, а теперь, белый человек, если только ты не больший кудесник, чем мы, тебе лучше убраться отсюда. Сейчас начнется огненный поединок.

Совет показался мне разумным.

– Желаю тебе удачи, черный дядюшка, – сказал я. – Надеюсь, в конце твоей понапрасну прожитой жизни грехи не окажутся слишком тяжким бременем.

– Заботься о себе и думай о своих грехах, молодой человек, – ответил он с сардонической улыбкой и понюхал щепотку табаку.

В тот же миг молния из тучи (я не видел, из какой именно) ударила в землю шагах в тридцати от нас. Я поспешил убраться подобру-поздорову. Ударяя, я услышал, как Индаба-Зимби сухо рассмеялся.

Я поднялся на холм, где сидел вождь в окружении своих индун, или старейшин, и уселся поблизости. Вглядевшись в его лицо, я заметил, что он очень тревожится за сына и, видно, не верит, что тот способен противостоять чарам Индаба-Зимби. Вождь что-то тихо говорил сидевшему рядом. Я сделал вид, что поглощен увлекательным зрелищем и не прислушиваюсь. Но в те дни у меня был чрезвычайно острый слух, и я уловил содержание разговора.

– Слушай! – говорил вождь. – Если Индаба-Зимби возьмет верх над моим сыном, я не стану больше терпеть. Если ему удастся убить сына, знаю, он и меня убьет, чтобы самому стать вождем. Я боюсь Индаба-Зимби. О-о!

– Кудесник может издохнуть, как пес, – ответил индуна, – а дохлые псы не кусаются.

– Да, мертвые кудесники больше не колдуют, – согласился вождь и, наклонившись к самому уху индуны, что-то прошептал, не сводя глаз со своего асегая.

– Хорошо, отец мой, хорошо! – с готовностью ответил индуна. – Сегодня ночью. Если меня не опередит молния.

«Плохо дело старины Индаба-Зимби, – подумал я. – Они собираются его убить».

Но тотчас же отвлекся от этой мысли, настолько величественная картина развертывалась перед моими глазами.

Грозовые тучи быстро сближались, между ними оставалась узкая полоска голубого неба. То и дело от тучи к туче перебегали вспышки ослепительного света. Я вспомнил языческого бога – Юпитера-громовержца. Туча, похожая на великана в короне из лучей заходящего солнца, могла сойти за Юпитера. Сверкавшие в ней молнии были под стать мифологическому метателю огненных стрел. Как ни странно, за молниями не следовали раскаты грома. Кругом была мертвая тишина: скот неподвижно стоял на склоне холма, туземцы испуганно молчали. Темные тени напозали на холмы, реку справа и слева от нас окутали клубы тумана, но перед нами она блистала серебряной лентой под становящейся все уже полоской голубого неба. Вспышки нестерпимо яркого света пронизывали западную тучу, а чернильно-черная голова облачного великана на востоке внезапно освещалась мертвенно-бледным сиянием, которое то усиливалось, то меркло, как бы пульсируя. Казалось, что сердце бури нагнетает в тучи огненную кровь.

Молчание становилось все более зловещим, тени все чернели и чернели, и вдруг природа застонала под дыханием ледяного ветра. Пронсясь порывами над рекой, он поднимал мелкую зыбь на ее ровной раньше поверхности. Высокая трава наклонялась до земли. К шуму ветра присоединились шипящие звуки ливня.

Ага! Вот тучи и сошлись! Из обеих вырвались языки ужасающе яркого пламени, холм, на котором мы сидели, содрогнулся от раскатов грома. Потом небесный свет померк – и нас окутал мрак, но ненадолго. Вскоре все вокруг высветилось непрерывно чередующимися вспышками. При их свете можно было различить детали пейзажа за несколько миль от нас. А через миг даже людей, сидевших рядом со мной, поглотила тьма. Гром гремел и грохотал, словно труба, зовущая на страшный суд. То тут, то там высоко в воздух вздымались смерчи, крутившие пыль и даже камни. И все это сопровождалось шумом низвергающегося ливня.

Я прикрыл глаза рукой, чтобы защититься от яростного света, и смотрел в ту сторону, где железняк выходил на поверхность. При вспышках молнии я видел прорицателей. Они медленно сходились, направив асегай друг на друга. Я различал каждое их движение, и мне казалось, что молнии, ударяясь в породу, окружили их огненным кольцом.

Вдруг гром и молния разом прекратились, воцарились мрак и тишина, слышался лишь шум дождя.

– Что ж, вождь! – крикнул я в темноту. – Поединок окончен!

– Погоди, белый человек, погоди, – ответил вождь, и в голосе его звучали тревога и страх.

Не успел он произнести эти слова, как небо охватило яркое пламя. Мы увидели обоих кудесников – их разделяло не более десяти шагов. Огромная молния ударила в землю между ними, и они зашатались. Индаба-Зимби первым пришел в себя, – во всяком случае, при свете следующей молнии он стоял уже совершенно прямо, направив асегай на противника. Сын вождя тоже держался на ногах, но шатался, словно пьяный, и асегай выпал у него из рук.

Мрак! И снова вспышка, еще более ужасная (если это только возможно), чем все предшествующие. Мне показалось, что молния ударила с востока и пронеслась над головой Индаба-

Зимби. В следующий миг она как бы заключила в себя сына вождя, он оказался в самой ее сердцевине. Затем оглушительно прогрохотал гром, на нас низверглись потоки дождя, и больше ничего не было видно.

Буря постепенно ослабевала, но в беспросветном мраке никто не решался двинуться с места. К тому же, я не спешил покинуть безопасный склон холма, куда молния никогда не ударяла, и спуститься вниз. Иногда еще вспыхивали зарницы, но чудесников не было видно. Я не сомневался, что оба погибли. Тучи медленно уплывали в сторону низовой реки, дождь прекратился. В небе засверкали звезды.

– Пойдем посмотрим, – сказал старый вождь, поднимаясь с земли и стряхивая воду с волос. – Огненный поединок закончен. Узнаем, кто победил.

Я встал и пошел за ним. На мне не осталось сухой нитки, будто я проплыл сотню ярдов не раздеваясь. За мной следовали все жители крааля.

Мы подошли к арене состязания. Даже при слабом свете звезд я различал места, где молния расщепила и оплавилла железняк. Пока я осматривался по сторонам, справа от меня глухо застонал вождь, вокруг него столпился народ. Я приблизился. На земле лежал труп его сына. Страшное зрелище! Волосы на голове сгорели, медные браслеты, украшавшие руки, расплавились, древко асsegая, валявшееся поблизости, разлетелось в щепки. Я взял мертвого за руку, и мне показалось, что в ней раздроблены все кости.

Мужчины, окружавшие вождя, стояли молча, женщины рыдали.

– Индаба-Зимби – великий колдун, – сказал наконец один мужчина.

Вождь повернулся и с размаху ударил его палицей.

– Великий или нет, пес ты этакий, – вскричал вождь, – но он умрет! И ты тоже, если будешь его прославлять.

Я промолчал, так как думал, что Индаба-Зимби постигла судьба его противника. Однако, осмотрев все кругом, я нигде не нашел и следа его. Наконец, продрогнув насквозь в мокрой одежде, я отправился к своему фургону, чтобы переодеться. Там я, к своему удивлению, увидел на облучке кафра, завернувшегося в одеяло.

– Эй! Слезай отсюда! – сказал я.

Человек медленно развернул одеяло и неторопливо заложил в нос понюшку табаку.

– Недурной огненный поединок?! А, белый человек?! – произнес Индаба-Зимби своим громким дребезжащим голосом. – Только где ему было выстоять против меня. Бедный мальчик! Ничего он в этих делах не смыслил. Печально, очень печально, но я навлек на него молнию, не так ли? Видишь, белый человек, к чему приводит самонадеянность юности.

– Старый обманщик, – сказал я. – Если не будешь осторожнее, скоро узнаешь, к чему приводит самонадеянность старости. Вождь разыскивает тебя, и понадобится все твое колдовство, чтобы отклонить удар его асsegая.

– Неужели? – сказал Индаба-Зимби, поспешно слезая с облучка. – И все из-за этого несчастного самозванца! Вот что такое людская благодарность, белый человек! Я его вывел на чистую воду, а они хотят меня убить. Что ж, спасибо за предупреждение. Мы с тобой еще встретимся.

И он исчез с быстротой пули. Как раз вовремя, потому что к фургону уже подходили люди вождя.

На следующее утро я отправился домой. Первый, кого я увидел в миссии, был Индаба-Зимби.

– Как поживаешь, Макумазан? – сказал он, наклонив голову набок и трясая своей белой прядью. – Слышал, вы тут все христиане, а я хочу испробовать новую веру. Моя старая, видно, никуда не годится, раз люди хотели убить меня за то, что я открыл обман.

Глава III. На север

Я не извиняюсь ни перед собой, ни перед будущими читателями этого повествования за то, что рассказал о встрече с Индаба-Зимби. Во-первых, история эта любопытна сама по себе, а во-вторых, колдун сыграл немалую роль в последующих событиях. Если старик и был обманщиком, то очень ловким. Не буду говорить о том (хотя, может, и составил мнение на этот счет), действительно ли он обладал сверхъестественными способностями, как утверждал. Несомненно одно: он оказывал исключительное влияние на других туземцев. К тому же, ловкач сумел обвести вокруг пальца моего бедного отца. Сначала старый джентльмен отказался допустить его в миссию, поскольку терпеть не мог кафрских кудесников, этих ловцов колдунов. Но Индаба-Зимби убедил его, что хочет постичь истины христианства, и вызвал на дискуссию. Полемика продолжалась целых два года – до самой смерти отца. В конце каждого диспута Индаба-Зимби повторял белому проповеднику слова римского правителя: «Ты убедил меня стать христианином», но на деле так им и не стал. Думаю, у него такого намерения никогда и не было. Именно ему адресовал отец «Письма неверующему туземцу». Этот труд, к сожалению, так и оставшийся в рукописи, изобилует мудрыми изречениями и ссылками на ученые сочинения. Хорошо бы его опубликовать вместе с кратким изложением устных ответов неверующего.

Спор не прекращался ни на день. Думаю, что если бы отец оставался в живых, он продолжался бы и поныне, поскольку у обоих полемистов был неистощимый запас аргументов. Индаба-Зимби пол-И учил тем временем разрешение жить у нас, в миссии. Отец поставил ему лишь одно условие – не заниматься колдовством, которое он причислял к козням дьявола. Зулус охотно дал обещание, но не было случая, чтобы заинтересованные лица не получали у него консультации, если, например, пропадал вол или кого-либо постигала внезапная смерть.

После того как он уже прожил с нами год, к нему явилась депутация племени, которое он покинул. Они просили его вернуться. Со времени его ухода, говорили они, дела их пошли плохо, а его враг – старый вождь – недавно скончался. Старый Индаба-Зимби молча слушал, пальцами ног сгребая песок в кучку. Когда они кончили, он сказал, разбросав кучку:

– Вот что произойдет с вашим племенем раньше, чем кончатся три месяца. Ничего от вас не останется. Вы прогнали меня. Но когда вас будут убивать, вспомните мои слова.

Посланцы ушли. Месяца три спустя до меня дошла весть, что все племя уничтожено воинами пондо.

Закончив наконец приготовления к экспедиции, я отправился попрощаться с Индаба-Зимби. К моему удивлению, он увязывал в одеяла свои зелья, ассегаи и другие пожитки.

– До свидания, Индаба-Зимби, – сказал я. – Ухожу на север.

– Да, Макумазан, – ответил он, склонив голову набок. – И я тоже. Хочу побывать в тех местах. Пойдем вместе.

– Вот как! – сказал я. – Подожди, пока тебя пригласят, старый обманщик.

– Тогда лучше пригласи меня, Макумазан, а не то ты никогда не вернешься назад. Теперь, когда старый вождь (это о моем отце) ушел туда, откуда приходят грозы, – он показал на небо, – я чувствую, что возвращаюсь к прежним привычкам. Вот, к примеру, прошлой ночью я бросил гадальные кости, чтобы разузнать кое-что о твоём путешествии. Могу заверить тебя: если не возьмешь меня, то погибнешь. А главное, самым удивительным образом потеряешь того, кто станет тебе дороже жизни. Два года назад ты предупредил меня об опасности, только потому я и решил отправиться с тобой.

– Не болтай чушь, – сказал я.

– Что ж, отлично, Макумазан, отлично! Но ты слышал, что случилось с моим племенем шесть месяцев назад? И что я предсказал это посланцам? Они прогнали меня – их нет больше.

Если ты прогонишь меня, тебя тоже скоро не станет. – Он потрянул своей белой прядью и улыбнулся.

Я суверен не больше, чем другие люди, но должен признаться: старый Индаба-Зимби произвел на меня довольно сильное впечатление. К тому же, я знал, каким необычайным авторитетом он пользуется среди туземцев, независимо от занимаемого ими положения, и решил, что хотя бы поэтому он сможет быть мне полезен.

– Хорошо, – сказал я. – Назначаю тебя ловцом колдунов в экспедиции, но без жалованья.

– Правильно, – кивнул он. – Сначала послужи, потом требуй платы. Рад за тебя: ты наделен воображением и не оказался поэтому безнадежным глупцом, как большинство белых людей, Макумазан. Да, да, именно недостаток воображения делает людей глупцами: они не верят в то, чего не понимают. Вы не можете постичь мои пророчества, совершенно так же как тот дурачок в краале не мог понять, что я превосхожу его в умении обращаться с молниями. Что ж, пора отправляться. Но будь я на твоём месте, Макумазан, я двинулся бы в путь с одним фургоном, а не с двумя.

– Почему? – спросил я.

– Потому что ты потеряешь свои фургоны. Так уж лучше потерять один, чем два.

– Что за глупости! – сказал я.

– Прекрасно, Макумазан, поживем – увидим.

Не сказав больше ни слова, он направился к переднему фургону, положил в него свой тючок и уселся впереди.

Я же тепло попрощался с моими белыми друзьями, включая старого шотландца, который по этому случаю напился и цитировал Бернса, пока слезы не закапали у него из глаз. После этого я наконец отправился в путь и медленно двинулся на север.

В первые три недели не произошло ничего примечательного. Встречавшиеся нам кафры вели себя дружелюбно, дичи было великое множество. Никто из тех, кто живет ныне в этой части Южной Африки, не может даже представить себе, каким был велд всего тридцать лет назад.

Часто на рассвете, дрожа от холода, я вылезал на козлы фургона и оглядывался вокруг. Сначала передо мной расстилался только белый туман, окрашенный на востоке трепетным золотистым свечением. Над этой завесой, словно гигантские маяки, возвышались вершины каменных холмов. В море тумана раздавались странные звуки – храп, ворчание, рев, топот бесчисленных копыт... Постепенно непроницаемая пелена становилась тоньше, таяла в воздухе, как дым из трубы. Миля за милей взору открывалась неровная местность, кое-где поросшая кустарником. Но она не была пустынной, как теперь. Повсюду, куда ни кинешь взгляд, стояли или переходили с места на место различные животные, земля казалась из-за них черной.

Вот справа от меня стадо антилоп гну, насчитывающее не менее двух тысяч голов. Одни пасутся, другие резвятся, подкидывая в воздух белые хвосты. А на холмиках застыли старые самцы, подозрительно нюхая воздух. Впереди, по крайней мере в тысяче ярдов от меня – неопытному глазу из-за поразительной прозрачности воздуха расстояние показалось бы гораздо меньшим, – вереницей движется целое стадо горных козлов. Ага, они подошли к следам, оставленным нашим фургоном, и те им явно не понравились. Что теперь? Пойдут назад? Вот еще! От одной колеи до другой чуть ли не тридцать футов, но разве это препятствие для горных козлов? Вот первый взметнулся в воздух, словно мяч. Как красива его золотистая шкура, освещенная солнцем! Он делает прыжок, за ним следуют его многочисленные товарищи. Только сосунки, у которых еще не хватает сил прыгнуть так далеко, перебираются через сомнительный след, испуганно мыча. А это что за животные там, в лощинке у подножия холма, поднимающие головы выше верхушек мимозы? Клянусь святым Георгом, это жирафы. Их трое. Сегодня на ужин у нас будут мозговые кости. Чу! За нами задрожала земля, и через гребень высоты перемахнуло большое стадо антилоп бубалов. Похожие на бородатых козлов,

они несутся галопом, низко опустив крупные головы. Так я и думал – их преследует стая диких собак. Дикая собака бегут с громким лаем, шерсть взерошена, языки высунуты. Вспугнутые жирафы мчатся прочь. Когда они огибают холм, они напоминают мне судно при сильной качке. Увы, мы все же останемся без мозговых костей. Взгляните! Передние дикие собаки приближаются к самцу-бубалу. Он долго скакал галопом и изрядно утомлен. Одна прыгает на него сбоку, но бубал успевает отскочить в сторону. Он издает нечто вроде стоны, дико озирается и замечает фургон. Какое-то мгновение животное, видимо, колеблется, потом в отчаянии бросается к фургону и падает среди волов. Дикая собака, тяжело дыша, останавливается шагах в тридцати и злобно рычат. Бери ружье, мальчик, нет, не винтовку, а охотничье ружье, заряженное картечью.

Бах! Бах! И так, друзья мои, двое из вас никогда больше не будут охотиться за антилопами. А мы антилопу не тронем, она искала у нас убежища и найдет его.

О! Как прекрасна природа, пока не приходит человек, чтобы испоганить ее!

Такое я наблюдал сотни раз, и надеюсь увидеть еще раз до того, как настанет мой срок умереть.

Первое настоящее приключение в этом путешествии связано со слонами. О нем стоит рассказать, так как завершилось оно самым любопытным образом. Недалеко от реки Оранжевой мы очутились в лесу, тянувшемся вдоль берега полосой шириной около двадцати миль. В лесу мы заночевали, выбрав восхитительную открытую лужайку. В нескольких ярдах от нас начинались заросли травы тамбуки высотой в рост человека. Вернее, они были когда-то такой высоты, потому что теперь лишь кое-где виднелось несколько уцелевших стеблей, остальные же были вытоптаны. Мы разбили лагерь уже в сумерках, но когда поднялась луна, я отошел от костра, чтобы оглядеться. С одного взгляда я понял, что тут случилось: несколькими часами раньше по высокой траве проходило большое стадо слонов. Их следы меня очень обрадовали. Я неоднократно и раньше видел диких слонов, но ни разу мне не удавалось подстрелить хоть одного. Да и вообще для африканского охотника след слона то же, что для золотоискателя золотая крупинка в лотке. Он живет слоновой костью. Добыча ее – охотой ли она получена или путем обмена на товары – главная цель его жизни. Я быстро решил оставить пока фурунги в лесу, а сам преследовать слонов верхом на лошади.

О своем намерении я сказал Индаба-Зимби и другим кафрам. Они не прочь были отправиться со мною. Кафры любят поохотиться. Это способ провести время и добыть много мяса. Индаба-Зимби вел себя таинственно. Он отошел в сторону, развел костерчик и приступил к таинственным манипуляциям с костями и глиной, в которую подмешал пепел. Остальные кафры с величайшим интересом следили за его действиями. Наконец он поднялся, подошел ко мне и сообщил, что все в порядке: я поступаю правильно, собираясь на охоту за слонами, и добуду много слоновой кости. Однако он посоветовал мне охотиться пешим. Я ответил, что слышать об этом не желаю, поскольку твердо решил ехать на лошади. С тех пор я стал умнее. То был первый и последний раз, когда я пытался охотиться верхом на слонов.

Мы покинули лагерь на рассвете. Нас было пятеро: Индаба-Зимби, я и еще трое кафров. Остальных я оставил в лагере с фурунгами. Я ехал верхом. По моему примеру сел на коня и погонщик волов – хороший наездник и неплохой для кафра стрелок. Индаба-Зимби и двое других шли пешком. С рассвета до полудня мы двигались по следам стада. Впрочем, след скорее напоминал проезжую дорогу. Затем мы расседлали коней, чтобы дать им отдохнуть и попасть, а около трех часов пополудни снова тронулись в путь. Прошло около часа, а слонов мы все не видели. Стадо, верно, двигалось быстро и успело уйти далеко. Я уже готов был отказаться от погони, как вдруг заметил вдали что-то коричневатое, движущееся через заросли колючего кустарника на склоне холма. Нас разделяло расстояние примерно в четверть мили. Мне показалось, что сердце мое сейчас выпрыгнет из груди. Покажите мне охотника, который не почувствовал бы того же при виде своего первого слона.

Я велел спутникам остановиться. Ветер был встречным, и мы попытались перехватить слона. Сдерживая лошадь, я тихо съехал по склону холма к подножию, окруженному густым кустарником. Здесь только что паслись слоны – повсюду валялись сломанные сучья и вырванные с корнем деревья. Однако это скользнуло мимо моего сознания, все мои мысли были заняты слонем, которого я преследовал. Вдруг лошадь подо мной шарахнулась так, что я чуть не вылетел из седла. В то же мгновение передо мной что-то шумно поднялось с земли. Ярдах в четырех от себя я увидел зад другого слона. На мгновение стали видны и его огромные оттопыренные уши. Слон, чей сон я потревожил, бросился бежать.

Разумнее всего, конечно, было оставить его в покое, но в те времена я был молод и глуп. Повинуясь мгновенному побуждению, я вскинул мое ружье для охоты на слонов и поверх головы лошади выпалил в великана. Отдача тяжелого ружья едва не сбросила меня с коня. Я тут же увидел, что животное сделало рывок вперед: пуля в три унции весом, попавшая в бок, способна дать здоровенный толчок даже слону. Я уже понимал, какой глупостью был мой выстрел, и надеялся только на то, что слон не обратит на меня внимания. Но гигант поступил иначе. Он замедлил бег, приседая к земле, потом повернулся и, издавая трубные звуки, с поднятыми ушами и хоботом ринулся на меня. Я был совершенно беззащитен, поскольку не успел перезарядить ружье, и решил спастись бегством. Крепко сдавил я пятками бока коня, но конь не стронулся с места и на дюйм. Бедное животное было парализовано ужасом и стояло неподвижно, выставив передние ноги и дрожа как осиновый лист.

Слон продолжал нестись на меня, и вид его был страшен. Я еще раз попытался образумить лошадь, но тут над моей головой взвился хобот огромного слона. Опасность подстегнула мысль. Со скоростью молнии я скатился с коня. Рядом лежало упавшее дерево в обхват, пожалуй, с туловище взрослого мужчины. Сломанные ветви, принявшие на себя тяжесть дерева при его падении, поддерживали ствол над землей. Одним движением, так быстро, как этого требовали обстоятельства, я бросился под дерево. И тут же услышал, как хобот слона с глухим стуком опустился на спину коня. Несчастное животное свалилось с переломанным хребтом поперек ствола, под которым я скрючился. В моем убежище сразу стало темно. Через каких-нибудь десять секунд слон обмотал хоботом шею своей жертвы и одним могучим рывком отбросил мертвую лошадь от дерева. Я отполз назад, как можно ближе к переплетенным корням. Мне уже было ясно, чего именно добивается слон. И верно – красный кончик хобота стал приближаться ко мне. Если б ему удалось обвить мою руку или ногу, мне пришел бы конец. Но я так вжался в корни, что слон не мог этого сделать, хотя встал на колени, чтобы удобнее было действовать хоботом, напомиравшим большую змею с разверстой пастью. И все-таки он умудрился сорвать с меня шляпу, вытащил ее и куда-то забросил. Потом яростно затрубил и снова принялся шарить под деревом. Мне показалось, что его и без того длинный хобот еще удлинняется. Вот он уже в четырех дюймах от моей головы. О Небо! Он схватил меня за волосы! К счастью, я был довольно коротко острижен. Но и это не помогло, еще миг – и он выдрал волосы с корнем, сорвав при этом четверть квадратного дюйма кожи с моего черепа. Теперь настала моя очередь кричать. Меня ощипывали заживо, как подчас ощипывают еще трепещущую птицу жестокие повара. Однако слону этого было мало.

Разочарованный незначительными успехами своих стараний, он изменил тактику: обмотал хоботом упавшее дерево и попытался приподнять его. Ствол немного сдвинулся с места, но, к моей великой радости, его удерживали сломанные ветви, застрявшие в болотистой почве, и часть корней, вырванных не до конца из земли. Перевернуть дерево слону не удалось, однако оно приподнялось настолько, что будь мой преследователь поумнее, он теперь легко вытащил бы меня хоботом. Слон же, напрягаясь изо всех сил, упрямо продолжал поднимать дерево. Тут я понял, что в конце концов он его поднимет, и громко завопил, призывая на помощь. В ответ поблизости раздалось несколько выстрелов. Конечно, ни одна пуля не попала в слона, а если бы и попала, то только подстегнула бы его. Мне было ясно, что через несколько секунд я

лишусь убежища и буду уничтожен. При мысли о неминуемой гибели я весь покрылся холодным потом. И вдруг я вспомнил: ведь у меня есть пистолет, которым я часто пользовался, чтобы прикончить раненую дичь. Он лежал в чехле, подвешенном к поясу, и был заряжен. К этому времени слон успел приподнять дерево настолько, что я легко дотянулся до пояса, вытащил пистолет и взвел курок. Между тем ствол поднимался все выше, и вот в каких-нибудь трех футах от моей головы я увидел огромный коричневый хобот. Приставив дуло пистолета чуть ли не к самому хоботу, я выстрелил. Ствол мгновенно свалился на землю, придавив мою ногу, и тут же послышался сильный треск и топот. Слон убежал.

Страх, который я испытал, и неравное единоборство лишили меня последних сил. Не помню, как я выбрался из-под тяжелого дерева, не знаю, что было дальше. Очнулся я, почувствовав приятный вкус во рту. Оказалось, что я уже сижу на земле, потягивая персиковую водку из фляжки, а напротив меня расположился старый Индаба-Зимби. С мудрым видом он кивал своей белой прядью и предавался рассуждениям: если бы я послушался его совета и охотился на слона пешим, я не потерял бы коня и не очутился бы сам на волосок от гибели.

Я встал и отправился посмотреть на лошадь. Удар хобота обрушился на седло, разломал его, сделав совершенно непригодным, и перебил хребет коню. Помедли я хоть секунду, тот же хобот обрушился бы на меня! Я позвал Индаба-Зимби и спросил, куда ушли слоны.

– Туда! – сказал он, махнув рукой в сторону лощины. – Пойдем-ка за ними, Макумазан. До сих пор нам не везло, пусть же повезет теперь.

В его словах имелось рациональное зерно, хотя, говоря по правде, в тот момент я отнюдь не горел желанием продолжать охоту на слонов. Мне казалось, что с меня уже хватит. Однако достоинство мое не позволяло поднимать белый флаг в присутствии слуг, и я с деланной готовностью согласился. Мы отправились в путь: я – верхом на второй лошади, остальные – пешком. Так мы двигались по долине около часа. И вдруг увидели все стадо, в котором можно было насчитать больше восьмидесяти голов. Впереди стада темнели заросли кустарника, такие густые, что слоны, видимо, не решались в них войти, а взобраться наверх они не могли – слишком круто обрывались в этом месте скалистые склоны долины.

Слоны заметили нас в тот же миг, когда мы увидели их. Я испугался: а вдруг им вздумается повернуть назад по лощине и атаковать нас. Но они этого не сделали: громко трубя, слоны бросились в чащу, кустарник валился под их натиском, как кукуруза под ударами серпа. За всю свою жизнь я, наверное, не слышал такого шума и треска, какой производили слоны, продираясь сквозь кусты и деревья. За кустарником простиралась полоса частого леса шириной от ста до ста пятидесяти футов. Стадо крушило на своем пути все, что ни попадалось, оставляя за собой дорогу, заваленную вырванными деревьями и сломанными ветвями. Лишь кое-где среди этого хаоса уцелевало одинокое дерево, слишком прочное даже для слонов. Они ломались все вперед и вперед, и, несмотря на препятствия, которые им приходилось преодолевать, расстояние между нами не уменьшалось. Так продолжалось на протяжении мили или даже больше, потом лес поредел, и я увидел, что вся долина за ним на протяжении пяти-шести акров поросла камышом и травой; дальше снова начинался густой лес.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.